

Слово редактора

Начало конца

Дорогие читатели!
7 ноября мы вспоминаем 100-летие Великой Октябрьской социалистической революции.

По старому (юлианскому) календарю революция произошла 25 октября 1917 года. Несмотря на то, что с 14 февраля 1918 года в Российской республике был введен западно-европейский (григорианский) календарь, революция ассоциируется именно с октябрем, что и нашло отражение в ее названии. Революционные перемены 1917 года пре-

вратили крупнейшую православную империю в страну, где правили безбожники, а XX столетие стало временем, которого еще не бывало в истории нашего Отечества, и по интенсивности, и по сложности исторических событий. Восстановление патриаршества после двухсотлетней синодальной зависимости, ни с чем несравнимые гонения, тотальное истребление православных, уничтожение Церкви извне и изнутри, обновленчество, Великая Отечественная война, расцвет сектантства, еретические уклонения, пропаганда насилия и разврата... В то же время эти события создают единую уникальную эпоху в судьбе России и Русской Церкви, которая дает о себе знать и сегодня.

В XX столетии на Русскую Церковь обрушились гонения, которые по своему размаху и ожесточению превзошли кровавые деяния древних врагов христианства римских императоров I-III веков. Казалось, все силы ада восстали на нее. По человеческому рассуждению, Церковь, у которой почти не осталось Приходов и почти все духовенство убито или заточено в тюрьмы, обречена на скорое уничтожение. Но кровью русских новомучеников, терпением и стойкостью исповедников, вынесших пытки, допросы и каторжные работы, перед лицом всего мира еще раз была явлена непреложность обетования о **неодолимости Церкви вратами ада**.

Русская Церковь восстает из руин. С 1987 года начался период «второго Крещения Руси», продолжающийся по сей день. Огромное множество людей бывшего Советского Союза приходят к православной вере, Русская Церковь возрождается во всем своем величии. Но вместе с открытием, восстановлением или строительством монастырей и храмов основное внимание должно уделяться духовной жизни, возрождению старчества, духовничества и приходской жизни. К сожалению, сегодня можно констатировать, что произошла полная потеря связи с прежней Россией во всех сферах жизни – это роковая черта сегодняшней русской действительности. И самым трагичным, конечно, является разрыв духовной преемственности. Заметно исчезает ощущение непосредственной связи с ее недавним прошлым. Ни мучеников, ни их подвига большая часть сегодняшних христиан не понимает, так как не знает их духа и не способна по-настоящему оценить его. Знаменательно, что этого никто почти не замечает ни в России, ни на Западе. Россияне, отвергшие Бога, отступившие от Церкви, предавшие Царя, до сих пор еще не покоичили с «советским» образом жизни. **Очень плохо усвоили современные люди уроки XX столетия.**

По-прежнему в жизни царит атеизм, безбожие, безверие, антицерковные настроения, разврат... Активно возрождается неоязычество, под которым скрываются разного рода агрессивные сектантские организации, которые не столько занимают возрождением языческой религии, сколько воспитывают людей в духе ненависти и насилия, множество преступлений совершается на почве неоязычества, которое является не возрождением религии предков, а подделкой и фальшивкой. Окультизм, нетрадиционная медицина, различные учения и практики. Сегодня каждый должен это понимать и не увлекаться подобным рода псевдорелигиозными течениями. За это вновь нам грозит повторение событий вековой давности с их последствиями.

Историю России в XX веке невозможно понять без истории Церкви. Последствия трагических событий, начало которым было положено сто лет назад, сказываются на нашей жизни до сих пор. Воспоминания о событиях недавнего прошлого должны послужить к примирению, а не разжиганию распри и раздоров, и исправлению трагических ошибок наших предков.

Редактор:
иерей Роман Смирнов

21 ноября – Собор Архистратига Михаила и прочих Небесных Сил безплотных

Архангел Михаил

Это было очень и очень давно. Среди вечно-го небесного света, среди вечной тишины, среди дивной небесной гармонии жизни зародился вихрь буйной зависти, как смертоносный яд в благоухающей середине цветка.

Тогда сердце Верховного Денница вмиг вздрогнуло, затрянулось мраком злобы против Бога Вседержителя, и он, гневно и завистливо взирая на сидящего на Престоле Вечного Бога, сказал: «Выше звезд поставлю престол мой и буду подобен Всевышнему...»

Сразу все как будто замерло... омрачилось, затихло, затуманилось, вдруг задрожало... затрепетало... от Престола Славы засияли молнии пламени и огня... Ангелы и Небесные воинства на миг от страха закрыли свои очи... Вдруг, пылая огнем ревности по славе Божией, явился, как гора, Архангел Михаил. Он поднял к небу свою могучую десницу, и его уста как гром изрекли: **«Кто яко Бог наш...»**

Сразу мрак, на миг будто победивший свет, сполз, как змея. Сияние лучей правды вновь залило Вселенную. Гармония небесной жизни опять воцарилась, и дивно заиграл гимн неизменной любви к Богу. Верные Ангелы засияли еще светлее. Несчастный Денница, сын зари, возмнивший себя богом, со всем своим исчадием бесов исчез, как дым...

Это было очень и очень давно. Но это было, и было непременно. Денница, восставший на Бога, теперь низвержен в глубину, а Архангел Михаил с Небесным воинством неизменно служит в вышине Вечному Богу...

Какое чудное имя – Михаил! «Михаил» в переводе на русский язык значит, «кто как Бог наш», или «кто может быть равен Богу нашему».

Архимандрит Тихон (Агриков)

18 ноября – Свт. Тихона, патриарха Московского и всея России (избрание на Патриарший престол 1917)

Летом 1921 года, после ужасов гражданской войны, русский народ постигло еще одно бедствие – голод. 19 февраля 1922 года Патриарх Тихон издал воззвание, в котором призвал церковноприходские советы жертвовать драгоценные церковные украшения, если только они не имеют богослужебного употребления. В печати, однако, начали появляться статьи с обвинением церковной власти в глухоте к народному бедствию, а 23 февраля ВЦИК издал декрет об изъятии церковных ценностей на нужды голодающих.

Патриарх отреагировал на декрет новым посланием к пастве, в котором заявил о недопустимости изъятия священных предметов, «употребление коих не для богослужебных целей воспрещается канонами Вселенской Церкви и карается ею как святотатство: миряне – отлучением от нее, священнослужители – извержением из сана» (Ап. 73, Двукр. 10). Это послание было разослано епархиальным архиереям. Приходские советы вынесли решение о **недопустимости** изъятия из храмов богослужебных предметов.

Когда декрет ВЦИК стал приводиться в исполнение, вокруг храмов собирались толпы народа; произошли столкновения, пролилась человеческая кровь. В связи с этим в разных городах страны были возбуждены уголовные дела. Однажды Патриарху пришлось даже лично принять участие в процессе, возбужденном большевиками против группы священнослужителей – не в качестве прямого обвиняемого, но в качестве «свидетеля», на ответственности которого лежала судьба обвиняемых, что было еще более тяжело морально.

То был процесс многочисленных священников, кончившийся в начале мая 1922 года инсценировкой «гласного» суда, на котором 50 маститых пастырей были судимы за то, что «сопротивлялись» изъятию священных предметов из церквей. Вина их была: в повиновении своему Патриарху, в

Ангел Хранитель

(Рассказ солдата)

Шел я, родимые, на родину. Около одной знакомой деревни меня настигли сумерки. Пора была осенняя, глухая; темно сделалось, хоть глаз выколи, притом же заморосил и дождь. Идти дальше нельзя было, пришлось искать ночлег. На дороге было много постоялых дворов, и хотя нашему брату служивому эти постоялые дворы не очень сподручны, да уже не до выбора в такую пору. Подошел я к одному из них, смотрю, у ворот стоит мужик, такой бородастый, плечистый.

- Здорово, - говорю, - земляк. Если хозяин ты, так пусти ночевать в хату.

Хозяин подумал с минуту, однако пустил в избу.

Вошел я, помолился, поздоровался. Вижу, и хозяйка тут, только такая неразговорчивая, как и сам хозяин. Не понравились они мне. «Да что, - думаю, - не век же мне вековать тут: ныне пришел, а завтра чуть свет уйду, проведу как-нибудь ночь, благо еще нашел покой...» Поужинал я и тут же стал раскладывать, чтобы наутро, не мешкая, идти своим путем.

Только хозяин с хозяйкой догадались, что у меня деньги есть, и заговорили.

- Знать, ты, служивый, не с пустым мешком едешь домой-то. Деньги, видно, есть?

- Есть, - говорю, - малая толика.

- Откуда же ты взял их, служивый? - спросила хозяйка.

- В заграничной армии, - говорю, - служил, так там большое жалование давали, вот и берег его, и нужду терпел, да берег. Брат у меня в деревне с семейством, так больше для него хлопотал, чтобы прийти к нему с подмогой. Бог даст, приду, так и поправимся, может.

Мы замолчали. Встав из-за стола, я скинул шинель, положил котомку под голову, да как свалился так и уснул, только еще помолился Богу и прочитал молитву своему Ангелу.

Вдруг просыпаюсь ночью, словно кто меня студеной водой окатил, и я сразу вскочил на ноги. Гляжу, около меня стоит хозяин – значит,

ограбить меня хочет. Пропал я, стало быть. «Вот, - думаю, - в какую берлогу нелегкая меня занесла». Только и сам не знаю, как и с чего вдруг у меня пришло в голову сказать хозяину эти слова:

- Что ты делаешь? Ведь я не один здесь солдат, нас здесь много, меня спохватятся!

Хозяин как будто немного опешил, задумался, однако опять приободрился.

- Поздно теперь, - говорит, - басни распускать.

- Чего ты его слушаешь? – закричала хозяйка из-за перегородки и сама кинулась на меня.

Была самая полночь, в деревне все кругом спали... В ожидании, что сейчас меня ограбят, я пал на колени и стал читать молитву Ангелу Хранителю, как это всегда делал в минуты опасности. Только вдруг слышу, кто-то сильно застучал в окно, так что стекла задрожали.

- Хозяин, хозяин! – кричал голос снаружи. - Отпирай живей, господа офицеры приехали на постоялое.

Хозяин и хозяйка поняли, что теперь для них самих дело может плохо кончиться, повалились мне в ноги.

- Не погуби, не выдай, - вопили они.

Но мне не до того было, чтобы их слушать. Я схватил с лавки котомку, накинул шинель, да так, без сапог, и шмыгнул из избы. Выбегаю на улицу, но у ворот никого нет, да, знать, и не бывало, только вдали как будто звенел где-то колокольчик. А я без памяти рад был, что вырвался, и что было духу побежал вперед по проселку.

- Кто же это постучался в окно и сказал, что офицеры приехали, когда ты никого не видел у ворот? - спросили слушатели.

- Эх вы, маловерные! И это вам надо толковать?! Да кому я взмолился в опасности? А кто меня здоровым и невредимым выносил из всех сражений, какие были в продолжение моей тридцатилетней службы? Конечно, Ангел Хранитель!

«Кладовая радости»

Патриаршее благословение

оглашении его Воззвания, в попытках договориться с властями о замене денежным выкупом выдачи своих церковных святынь, а в редких случаях и в том, что, не выдерживая кощунственного поведения в храмах атеистов власти, позволявшие себе самые непристойные формы надругательства над святынями, они не оставались к нему равнодушными.

Неожиданно, как для публики, так и для подсудимых, первым из свидетелей введен был Патриарх. Вот картина его допроса по описанию очевидца.

«Когда в дверях зала показалась величественная фигура в черном облачении, сопровождаемая двумя конвоирами, все невольно встали, не только подсудимые, защитники и первые ряды публики, но и весь народ, сверху до низу переполнивший громадный зал Политехнического музея. Все головы низко склонились в глубокое, почтительное поклоне. Святейший Патриарх спокойно-величаво осенил крестом подсудимых и, повернувшись к судьям, прямой, величественно-строгий, опершись на посох, стал ждать допроса. И допрос, дерзко вызывающий, намеренно злобный, не замедлил начаться.

Казалось, что не свидетель, а обвиняемый стоял перед судом. Яростно, дерзко, почти с пеной у рта, набрасывался обвинитель. Ровно, спокойно, ни разу не повывив голоса, отвечал Патриарх. И это спокойствие, такое величавое, полное достоинства и, как выразился один из присутствующих, такое «святое и простое», выводило из себя не только озлобленного обвинителя, но и важного с виду председателя.

От всего допроса веяло явным стремлением обвинить свидетеля не в чем ином, как в государственной измене. Крылатое

слово «контрреволюция» так и резало слух.

- Вы приказывали читать всенародно ваше Воззвание, призывая народ к неповиновению властям? - спрашивал председатель.

Спокойно отвечал Святейший Патриарх: - Власти хорошо знают, что в моем Воззвании нет призыва к сопротивлению властям, а лишь призыв сохранить свои святыни и во имя сохранения их просить власть дозволить уплатить деньгами их стоимость и, оказывая тем помощь голодным братьям, сохранить у себя свои святыни.

- А вот этот призыв будет стоить жизни вашим покорным рабам! - и председатель картинным жестом указал на скамьи подсудимых.

Благостно-любящим взором окинул старец служителей алтаря и ясно и твердо сказал:

- Я всегда говорил и продолжаю говорить как следственной власти, так и всему народу, что во всем виноват я один, а это лишь моя Христова армия, послушно исполняющая веления посланного ей Богом главы. Но если нужна искупительная жертва, нужна смерть виновных овец стада Христова, - тут голос Патриарха возвысился, стал слышен во всех углах громадного зала, и сам он как будто вырос, когда, обращаясь к подсудимым, поднял руку и благословил их, громко и отчетливо произнося: - благословляю верных рабов Господа Иисуса Христа на муки и смерть за Него.

Подсудимые опустились на колени. Полное безмолвие воцарилось в зале. Смолкли и судьи, и обвинители. Величие этого благословения, казалось, повлияло и на их черствые, все отрицающие души».

Несмотря ни на что, суд вынес суровые приговоры: несколько обвиняемых священников и прихожан московских храмов были осуждены на смертную казнь, другие - на разные сроки. Трибунал вынес также постановление о привлечении Патриарха Тихона к суду в качестве обвиняемого.

«Христовы воины»